

Ю.В.Латов,
кандидат экономических наук.
Юридический институт МВД России,
Тульский филиал

"Воры в законе" как субъекты рыночной модернизации в России

История организованной преступности — неотъемлемая часть социально-экономической истории любого общества. Наиболее важную роль организованная преступность (и теневая экономика вообще) начинает играть в переломные моменты исторических эпох, когда общество "меняет кожу". В частности, отечественная мафия, возглавляемая сообществом "воров в законе", проявила себя в процессе развития рыночных отношений в России 70-90-х годов как очень активный субъект, без учета роли которого понимание специфики рыночной модернизации в России было бы просто невозможно.

Сообщество "воров в законе" — наиболее старая и известная криминальная организация нашей страны. Ранние этапы его исто-

¹ Соловьев Э. Права человека: Предостережение и надежды // Власть. 1999. № 1 С 21.

рии (примерно до 70-х годов) довольно туманны и отчасти легендарны. Точно известно одно: формирование этого сообщества (конец 20-х — начало 30-х годов) произошло в местах заключения, что для "нормальной" организованной преступности совершенно аномально. Уже из названия этого сообщества следует, что его члены занимались сугубо "перераспределительной" деятельностью (карманные кражи, воровство, грабежи), поэтому оно относилось не к современному, а к традиционному типу организованной преступности (типа воровских и бандитских шаек средневековья). Необычно, однако, то, что это сообщество смогло добиться очень высокой степени самоорганизации, которая за рубежом возникала только в преступных организациях современного типа (вроде "Коза Ностра").

Главным признаком "воровского" сообщества стало соблюдение его членами довольно жесткого свода правил — "воровских понятий". Основные из них:

1. Строгая корпоративная солидарность ("вор в законе" не имеет права даже замахнуться на своего "коллегу", не то чтобы давать на него показания);

2. Запрещено иметь какие-либо контакты с официальными властями (даже служить в армии);

3. Запрещено заниматься обычным трудом (даже в местах лишения свободы);

4. Обязательный контроль за поведением всех других преступников в местах заключения;

5. Отказ от личного имущества (идеальный "вор в законе" не имеет ничего своего; он получает средства либо от преступных операций, в осуществлении которых играет роль организатора, но не исполнителя, либо от "добровольно-обязательных" отчислений других преступных элементов).

Для выработки "воровских понятий" и контроля за их выполнением использовались многие институты, во многом схожие с институтами доиндустриальных общинных коллективов: "воровская присяга" при приеме ("коронации") новых членов, регулярные "воровские сходки" для обсуждения и решения важнейших вопросов, "воровской суд" над нарушителями "понятий", сбор средств в "воровской общак" (резервный фонд для оказания помощи самим преступникам в местах заключения и членам их семей).

Первоначально "воры в законе" были своеобразным криминальным правительством, управляющим местами заключения. Характерно, что "воровские понятия" — своего рода зеркальное отражение "кодекса чести" идеального государственного чиновника в российском представлении. Естественно, что официальные советские органы отнюдь не были склонны мириться с "двоевластием" в обширном мире ГУЛАГа, и период попустительства (30-40-е годы) сменился периодом ожесточенных репрессий против носителей во-

ровских традиций (50-е годы), в ходе которых первое поколение "воров в законе" было почти полностью "ликвидировано как класс". Однако затем наступило "возрождение", связанное с качественными изменениями в самих преступных промыслах — их рыночной трансформацией.

В 60-е годы, после массового развертывания теневого "цехового" бизнеса, появились профессиональные преступники нового типа, которые специализировались уже не на карманных кражах, а на "стрижке" подпольных предпринимателей. Первоначально бандиты просто грабили "цеховиков", но вскоре начали заниматься классическим рэкетом — сбором постоянной дани в обмен на гарантии защиты. Если ранее организованная преступность России специализировалась на насильственной перераспределительной деятельности, то теперь ее главной специализацией стало производство незаконных охранительных услуг. Появилась насущная потребность внести в стихийный рэкет-бизнес элементы организованности: упорядочить размеры дани, разделить сферы влияния разных группировок и т.д. Организаторские таланты "воров в законе" оказались очень кстати, но теперь для наведения порядка не только в тюрьмах и лагерях, а прежде всего на свободе. Именно благодаря "ворам в законе" была принята знаменитая "кисловодская конвенция" 1979 г., регламентирующая условия сосуществования уголовных элементов и "цеховиков": в обмен на уплату 10% от своих доходов подпольные предприниматели получали защиту уголовных авторитетов. Эта система симбиоза рыночных производителей и криминальных правоохранителей благополучно дожидается наших дней.

В 90-е годы курс радикал-реформаторов на строительство капитализма "любой ценой" буквально парализовал какое-либо противодействие организованной преступности со стороны государства¹. Наивные либералы надеялись (либо делали вид), что мафиозные менеджеры ринутся в бизнес, чтобы честно "делать деньги". Однако ослабление официальных государственных структур создало в конце 80-х — начале 90-х годов вакуум власти, который в значительной степени заполнился властью мафии, боссы которой отнюдь не торопились заниматься производительной деятельностью. Эти годы стали периодом наибольшей силы отечественной мафии, когда она действительно на какое-то время стала "государством в государстве". Поэтому Б.Н.Ельцин не сильно преувеличи-

¹ Интересно отметить, что некоторые американские криминологи поддержали отказ российских властей от эффективной борьбы с организованной преступностью, поскольку-де он мог послужить оружием в руках консервативных, прокоммунистических властей и помешать развитию "свободных рыночных отношений", — по логике "лучше бандиты, чем коммунисты" (*Мартене Ф.Г., Руза СБ. Внедрение РИКО в Восточной Европе: Предусмотрительно или безответственно? // Изучение организованной преступности: Российско-американский диалог. С. 218-223*).

вал, назвав в 1994 г. страну, Президентом которой он был, "самым крупным мафиозным государством в мире" и "сверхдержавой преступности"¹.

Главным источником доходов отечественной мафии в 90-е годы стали доходы от рэкета — нелегальной деятельности по защите прав собственности легальных и нелегальных предпринимателей. Быстро пролетело время "отморозков", которые вламывались к мелким предпринимателям с оружием в руках и требовали "вознаграждения" за то, что они оставили бедного бизнесмена в живых и без сломанных рук и ног. Подобные налеты только ускоряли становление "нормального" рэкет-бизнеса, когда "бандитские крыши" устанавливали твердый тариф за покровительство, оберегая своих "овечек" от "стрижки" посторонними бандитами. Рэкет-бизнес в России приобрел стандартную структуру иерархичной олигополии: "низовые" группировки находятся под покровительством криминальных "авторитетов" более высокого ранга, уступая им за это часть доходов ("пирамида рэкета"); контролируемые территории жестко поделены, чтобы каждый предприниматель мог находиться под покровительством только одной группировки². «Российский криминальный мир стал единственной силой, которая может дать стабильность, обеспечить выплату долгов, возврат банковских кредитов, — цитирует американский криминолог Ф.Вильямс одну из восторженных оценок деятельности "красной мафии" в постсоветской России. — Спорные вопросы владения собственностью решаются им эффективно и справедливо. Он взял на себя государственные функции законодательной и судебной власти»³. С этой оценкой можно согласиться, по крайней мере, в том, что "красная мафия" занималась правоохранительной деятельностью справедливее и эффективнее официальных властей, которые скорее вредили предпринимателям, чем помогали им.

По мере того, как в 90-е годы в производстве охранительных услуг росла конкуренция со стороны коммерческих охранных агентств, а также коммерциализированных государственных силовых структура "русская мафия" постепенно утрачивала роль абсолютного лидера в защите прав собственности. Растущую долю в ее доходах стали занимать обычные криминальные промыслы, характерные и для современ-

¹ Цит. по: Организованная преступность-4. М: Криминологическая Ассоциация, 1998. С. 57.

² Описание организационных форм рэкет-бизнеса в Сицилии см.: *Gambetta D. The Sicilian Mafia. The Business of Private Protection.* Harvard University Press, 1993. P. 53-71. Об организации рэкет-бизнеса в России см.: *Устинов В.С.* Понятие и криминологическая характеристика организованной преступности. Нижний Новгород, 1993. С. 46-47; *Сафонов В.Н.* Организованное вымогательство: Уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб.: СПбИВЭСЭП; О-во "Знание", 2000.

³ *Williams P.* How Seriouise a Threat is Russian Organized Crime? // *Russian Organized Crime. The New Threat?* L., 1997. (Цит. по: Организованная преступность-4. С. 81.)

ных зарубежных преступных организаций. Отечественная организованная преступность все активнее занимается экономическими ("беловоротничковыми") преступлениями, наркобизнесом, торговлей оружием и антиквариатом, порнобизнесом и многим иным. Тем самым из криминального правительства "красная мафия" к концу 90-х годов постепенно превращается в совокупность криминальных фирм, которые занимаются лоббированием своих интересов в правительственных кругах — точно так же, как и вполне обычные фирмы.

Проявлением сильных институциональных изменений, происходящих в "красной мафии", являются изменения в среде самих "воров в законе". К концу 90-х годов становится очевидным, что настоящие "воры в законе", "наркомы" преступного мира, имеют шансы стать вымирающими "зубрами". Как ранее отмечалось, классические "воры в законе" соответствуют той стадии развития преступной организации, когда она выполняет роль криминального правительства. По мере коммерциализации мафии старые "понятия" начинают только мешать. В самом деле, можно ли представить теневого предпринимателя, который демонстративно отказывается иметь какие-либо контакты с властями и обладать личной собственностью? Поэтому размывание сообщества "воров в законе" идет и извне, и изнутри.

С одной стороны, новые криминальные авторитеты часто не ставят ни в грош "воровские" традиции, отказываются от "коронации" и рассматривают "воров" как обыкновенных конкурентов, от которых лучше избавиться. Там, где такие авторитеты берут верх над "ворами" (как в "бандитском" Петербурге), преступность становится более агрессивной и кровавой, поскольку у новых авторитетов еще не сформирована "культура согласия".

С другой стороны, само звание "вора в законе" подвергается сильнейшей девальвации. Уже в конце 80-х — начале 90-х годов число "законников" стало быстро расти (с 512 в 1988 г. до 660 в 1990 г.¹), что, естественно, сопровождалось ухудшением "качества кадров". Первоначально пройти "коронацию" мог, как правило, лишь уголовник с большим тюремным стажем, что автоматически означало его органическую преданность криминальным "понятиям". В новую эпоху звание "вора" стали просто покупать, в результате чего его получали преступники, не отбывшие ни единого срока и довольно молодые. Эти "новые русские" криминального мира приносят с собой атмосферу коррупции, подкупая старых, более авторитетных "воров", чтобы те выносили выгодные им решения. Судя по всему, коррупция поразила это нелегальное правительство не в меньшей степени, чем правительство легальное.

Таким образом, сообщество "воров в законе" теряет старое "лицо", и по мере того, как криминальных "наркомов" окончательно сменяют криминальные "новые русские", оно полностью трансфор-

¹ Самые известные воры. Минск, 1999. С. 451.

мируется в сеть криминальных фирм, как это происходит и с зарубежными мафиозными организациями.

Отечественная мафия достаточно многочисленна, но по степени организованности пока заметно уступает зарубежным "образцам". "Воровские сходки" по-прежнему остаются главным институтом криминального менеджмента, они проходят регулярно, однако имеют, как правило, региональный, а не общесоюзный характер¹. Центрального координирующего органа (своего рода совета директоров), по типу американской "комиссии", еще не создано², и, с учетом широких географических масштабов страны и усиливающейся атмосферы разобщенности, вряд ли следует ожидать в ближайшее время его возникновения.

В целом по уровню своего развития "русская мафия" 90-х годов схожа с сицилийской мафией начала века, когда мафиозные семьи едва ли не полностью контролировали слабо развитую экономику острова, занимая при этом даже официальные посты в органах муниципальной власти. Развитие рыночного хозяйства при стабилизации политической власти всегда ведет к тому, что организованная преступность, как сицилийская мафия, занимает свое "законное место" в обществе, превращаясь из *системы криминальной власти* в *сеть криминальных фирм*, находясь в "динамическом равновесии" с силами правопорядка и не претендуя на политическую власть. Подобная трансформация "красной мафии" еще не завершена, но вектор развития обозначился уже в конце 90-х годов, когда на смену квазидемократическим идеям "многовластия" пришла идея "сильного государства". По мере того, как эта идея будет трансформироваться из лозунгов в реальную повседневность, функции "красной мафии" как теневого правительства окончательно станут рудиментом.

В 1994 г. состоялось 413 "воровских сходок", в которых участвовало около 6 тыс. человек (Основы борьбы с организованной преступностью. С. 175.). Сама многочисленность этих мероприятий и их участников показывает, насколько раздробленной остается пока российская мафия.

В 1994 г. на слушаниях в конгрессе США директор ЦРУ Дж.Вулси отмечал, что мафиозные группы в России «находятся на стадии организационного становления. Они не дотягивают до мафии в полном смысле слова, так как "пока нет механизма контроля центра над различными группами"». «Впрочем, — по мнению Дж. Вулси, — после "эволюционного развития" верхушка гангстерских банд может превратиться в могущественное "преступное Политбюро"» (Где предел могуществу глобальной мафии? // Эхо планеты. 1994. № 18/19. С. 23). Несколько лет спустя американский криминолог Ф.Вильямс констатировал, что российская организованная преступность по-прежнему остается не монолитной, а скорее рассеянной и расчлененной (Организованная преступность-4. С. 81).